

Игорь Шестков "Глюк"

ГЛЮК

Мой приятель Алекс был влюблен в железную дорогу.

В милых женщин он конечно тоже иногда влюблялся... и переживал, как и все мы, соответствующие счастливые моменты в начале и мелодрамы в конце...

Амуры впрочем Алексу часто надоедали и он держал долговременные паузы на клубничном фронте... страсть же его к железной дороге не проходила никогда.

Субстанции обменивались свойствами, и его страсть получала тяжесть рельсов и целеустремленность стального пути, а современные электровозы – дополнительные лошадиные силы его молодого сильного тела.

Одна из разгневанных его пассий, перед тем как хлопнуть дверью и покинуть Алекса навсегда, прошипела: Ты должен спать с паровозом, а не с женщиной, кретин!

Полагаю, Алекс так бы и поступал, если бы это было физически возможно...

На стене в холостяцкой его спальне висела не фотография обнаженной полногрудой красавицы или нью-йоркского небоскреба, мимо которого проносится роскошный открытый кадиллак, которым правит длинноногая блондинка в остроугольных очках по моде шестидесятых, помахивающая платочком свободной левой рукой, а увеличенная до полутора метров в ширину карта узкоколейных железных дорог Саксонии начала двадцатого века, на которой он помечал красным фломастером закрытые станции и заброшенные ветки, а синим – восстановленные. Рядом с картой висели сделанные им самим фотографии – тепловозы, электровозы, машинисты, кондукторы, пассажирские и товарные вагоны, рельсы, стрелки, шлагбаумы, вокзалы... знаменитые мосты, и снесенные – как ажурный Грайфенбахбрюкке и действующие, такие как, например, кирпичный виадук Гельчтальбрюкке... во всем великолепии своих 29 римских пролетов...

Алекса не смущало то, что это замечательное свидетельство инженерного искусства Германии середины 19-о века стало после Объединения любимым местом для совершения самоубийств романтически настроенными подростками.

Один раз с него прыгнули в восьмидесятиметровую пропасть сразу три мальчика из близлежащего городка. Взявшись за руки и распевая какой-то адский гимн... Ходили слухи о матерых сатанистах, «свивших» себе якобы где-то недалеко от виадука «гнездо», регулярно устраивавших там «черные мессы», мучивших кошек и собак и уговаривающих молодых людей с легким сердцем расстаться с теперешней, бессмысленной, мещанской и тупой капиталистической жизнью и перенестись в потусторонние владения «Великого темного мастера», где их ожидают весьма некошерные удовольствия и особые приключения.

Фаталиста Алекса не смущало вообще ничего.

Ну да, какие-то полоумные дети прыгают с моста. А он-то тут при чем? Каждый живет как может. В пропасть, так в пропасть. Значит, судьба. Все равно помирать. Но прежде, чем это случится, надо успеть вдоволь покататься на железной дороге...

Он вызубрил названия всех саксонских железнодорожных станций, помнил как таблицу умножения высоту и длину множества железнодорожных мостов, легко различал марки локомотивов и вагонов, побывал в депо и музеях. Прилежно изучил не только железные дороги Германии и Австрии, по которым часто ездил в командировки, но и других стран. Прокатился на поезде через всю Канаду, совершил рейд по Австралии – от Аделаиды до Дарвина – на знаменитом поезде ГАН, доехал по Транссибирской магистрали до Владивостока (где его обокрали, украли не только деньги и документы, но и дорогую коллекцию моделей советских локомотивов в масштабе один к сорока пяти, которую он купил у разорившегося коммерсанта), регулярно навещался в Швейцарию, чтобы поглазеть на горы и покататься на ее знаменитых альпийских железных дорогах... пожертвовал деньги на «паровую зубчатую железную дорогу Фурка». Посетил экзотический остров Занзибар, на котором по слухам Германская Восточноафриканская компания построила в конце девятнадцатого века железную дорогу. Дорогу эту он так и не нашел, но прожил несколько недель в гареме, состоящем из пяти прекрасных чернокожих женщин. Показывал позже слайды. И лечился у знакомого венеролога.

На книжных полках в его огромной гостиной можно было найти только несколько книг, это были – различные железнодорожные справочники и

альбомы, остальное место занимали – пять или шесть сотен моделей его любимых локомотивов, включая знаменитые паровозы фирмы Мэрклин, изготовленные в конце 19-о века... и огромная коллекция почтовых марок всех времен и народов, посвященных железной дороге.

...

Алекс – шеф и владелец небольшой, но богатой посреднической юридической фирмы (чем она занимается, я так и не смог понять, несмотря на все попытки Алекса объяснить мне это на простом немецком) и может позволить себе подобные причуды.

Живет он в саксонском городе К., в котором мы с ним и познакомились после того, как он заказал мне несколько рисунков с футуристическими локомотивами. Наезжает Алекс по делам и в Берлин.

Тут он скучает... потому что Алекс, при всей своей железнодорожной космополитичности, несколько провинциален, и чувствует себя в нашем городе – слегка не в своей тарелке. Всякий раз, когда это чувство усиливается до болезненности, он звонит мне и предлагает совершить совместную экскурсию... обычно – сходить в Политехнический музей или побродить по городу или по окрестностям... главное, чтобы рядом проходила хоть какая-то железная дорога. Вот и тогда, поздней осенью 201... года, он неожиданно позвонил и заявил, что торчит уже две недели в Берлине, что устал и измучен и климатом и упрямством проклятых пруссаков, хочет сделать паузу и пообщаться со мной... сообщил, что ему пришла в голову чудесная идея... побродить по заброшенному Парку развлечений на берегу Шпрее, заодно и проверить, в каком состоянии находится тамошняя развлекательная железная дорога, когда-то называвшаяся «Экспресс Санта-Фе».

Я не возражал, только напомнил, что мы не в России и не в Занзибаре... что в парке, наверное, есть служба безопасности, что нас скорее всего не пустят... а если мы просто перелезем через забор, то поймают, оштрафуют и опозорят.

На это он ответил, с удовольствием коверкая по-саксонски слова: Так именно и было бы, если бы в парке не работал мой старый знакомый. Бывший однокурсник и также, как и я член «Немецкого общества любителей железной дороги». Он обещал встретить нас у ограды, провести внутрь, показать

несколько интересных руин и позволить нам гулять столько, сколько мы захотим... Дал слово оповестить коллег и шефа о нашем посещении... и уговорить их потерпеть нас несколько часов... и главное – оставить служебных собак в вольерах.

Собак?!

...

На следующий день мы встретились на перроне станции эс-бана Плентервалд, с которого так хорошо видны разновысокие дома поселения Вайсензидлюнг в Ной-Кёльне, превратившегося в последние годы в социальную болячку.

Холодный ветер быстро прогонял с перрона пассажиров, вокруг было пусто как в Сахаре, только на перилах сидели несколько птиц неизвестного мне вида. Они бойко чирикали, видимо заклинали низко висящее над горизонтом солнышко.

Чтобы согреться и не дать тьме поглотить себя.

Договорились мы встретиться в три часа дня. Я приехал без пяти три. Алекса не было видно. Он опоздал всего на четырнадцать минут. Что для него – достижение.

Мы обнялись как умели (я толстяк и коротышка, а Алекс – атлетический гигант), покивали головами, выпучив глаза, саркастически похлопали друг друга по плечу, побрякали... покашливали...

Зарядились друг от друга новой энергией и беззаботно предались разврату общения.

Спустились по нечистой лестнице в холл, расписанный граффити... с разбитыми стеклами... стекла, видимо, долго били камнями, в одной из зазубренных дырок торчала птичья тушка... под ней краснела как ленточка запекшаяся кровь...

Вышли на воздух и побрели, не торопясь, по улице, застроенной доблестными строителями ГДР одинаковыми четырехэтажными социалистическими бараками.

По дороге болтали и сосали леденцы на палочке в форме разноцветных дракончиков, которые Алекс привез из города К.. Леденцы эти делал... один странный человек... по прозвищу Зеленый тролль... на своей домашней кухне. Алекс знал, что я их люблю, и привез... это было приятно. Знак внимания...

Я тоже принес с собой кое-что. Стекланный шарик, во внутренностях которого

катался по кругу крохотный жестяной поезд. Купил игрушку на блошином рынке за сорок евро. Когда я подал ее Алексу, он от восторга чуть не взлетел. Пообещал взять меня с собой в следующее железнодорожное путешествие. По Южной Америке. Я вежливо отказался. Москиты. Джунгли. Пустыни. И летающие тараканы. Боже упаси!

Попросил Алекса рассказать об общих знакомых...

– Вроде бы ничего не происходит ни с кем. Как будто нас, там внизу, выкинуло из потока жизни... Только стареют все... как и положено... Ах, да, Аннета Б. покинула город три года назад. Живет теперь на острове Рюген. Называет его своей Атлантидой. Открыла там художественную галерею и продает макраме, которые сама и плетет... По ее словам – зарабатывает кучу денег, только скорее всего врет... У нас испоганила все, что могла, теперь там, на острове, вербует поклонников... интригует... Ты знаешь, она... умудрилась занять у меня на переезд деньги. Три с половиной тысячи. Я не хотел давать, но дал... уговорила.

– Ты дал деньги Аннетке? Ты же знаешь, что она никогда не отдаст. И еще придумает про тебя какую-нибудь особенную гадость... в благодарность за твою доброту.

– Да... она... это умеет... Гипнотизирует... и прелестями трясет. Она сказала, тебе теперь деньги все равно не нужны... Рассказывала мне про всех... с душераздирающими подробностями. И про тебя. Как ты после... захотел в...

...

Алекс часто замолкал... прямо в середине фразы... задумывался глубоко, морщил красивый римский лоб... голубые его глаза теряли колючесть, стекленели... становились мертвыми.

Мне представлялось, что он не говорит... а плывет по реке времени... но то и дело попадает в водовороты, которые его утягивают в глубину... в омуты прошлого... из которых, как из царства мертвых, его выносит на поверхность жизни не слабая воля, а благосклонность богов... может быть даже какая-то специально для таких случаев сконструированная высшими силами метафизическая железная дорога...

– Ты с ней спал?

– Месяца четыре вместе жили. Я даже квартиру снял на Кассберге... С видом

на тюрьму... Аннетка купила дюжину разных стеклянных шкафчиков... Расставила всюду синие и зеленые вазочки и своих любимых бегемотиков из слоновой кости... на стены повесила эти чертовы макраме... тысяч пять только на бегемотиков потратили... Из Африки нам их присылали... с посылными... Через Югославию... Четыре месяца... Больше не выдержал, замучила сменой настроений... всю кровь высосала... один раз, когда меня не было, продала несколько локов, думала я не замечу... (Алекс опять погрузился в омут прошлого, помрачнел, молчал минуты две, вспоминал)... и мою кошку не кормила, когда я в путешествия уезжал. Из мести, что ее с собой не брал.

– Агату? Ревновала, понятное дело. Ты кажется, кроме нее никого настоящего не любил...

– Да, любил мою милую кошечку. Как же мне ее не хватает...

– Купи новую.

– Нет, таких как Агата больше не бывает. Помнишь, как она мурлыкала?

– Помню. И когти ее тоже помню.

– Да, а неуловимый Джо попал в историю. Чуть не отправился редиску снизу смотреть... Отдыхал он как обычно в Пуэрто-Рико. Загорал, купался. Виллу снял вместе с двумя красотками... Они его ублажали-ублажали... а у одной из них был ревнивый жених... И этот жених придумал вот что... представляешь, Джо замутил там нудистское парти... пришло много народу выпить на халяву шампанского и потрахаться... а этот самый жених... купил где-то воздушный шар и накачал его специальным газом... подогнал, пригласил гостей в корзину, а когда поднялись метров на сто... выпустил газ...

Алекс опять замолчал.

– Не замолкай, интересно!

– Позже расскажу. Смотри, вон там... Нас уже ждут.

...

На другой стороне улицы стоял... похожий на Алекса человек, настолько похожий, что я поначалу растерялся. Помахал нам рукой.

Близнец? Алекс никогда не рассказывал мне ничего о брате-близнеце. Странно.

Мы перешли улицу.

Да... те же темные кудри... веснушки на розовой, как бы собачьей, коже... то же

открытое, немного наивное, немецкое лицо с крупными глазами, прямым носом, режущей выдающейся челюстью и тонкими бесцветными губами...

Тот же рост, те же широкие плечи, длинные бедра... те же голубые джинсы и та же элегантная курточка. Только под курточкой у Алекса была сиреневая рубашка, которую украшала темная бабочка с желтыми пупырышками... а у близнеца рубашка была цвета хаки, а бабочка – синяя, с белыми пупырышками. Договорились одинаково одеться, чтобы удивить меня? Алекс любил дурацкие шутки.

Близнец дружески поздоровался с нами, пролаял что-то непонятное на берлинском диалекте, обнялся с Алексом, и мы тронулись.

Несколько минут шли по дороге, замощенной голубоватым камнем. Затем проводник наш остановился у столба... с полуметровым металлическим жуком на вершине, нажал на нем какие-то кнопки, приложил к маленькому стеклянному окошечку большой палец правой руки.

...

И все вокруг нас изменилось.

Свет стал другим. Или воздух начал иначе его преломлять?

Само пространство изменилось, стало казаться, что мы идем внутри большой стеклянной призмы.

И полумертвый ноябрьский лес... позеленел, ожил, наполнился ароматами и звуками.

Изменение произошло и со мной... Тоска, гложущая меня уже несколько лет, прошла. Я ощутил прилив сил.

Алекс ничего не заметил, потому, что как раз тогда, когда его близнец нажимал на кнопку – погружался в один из своих омутов.

Двойник же его лукаво на меня посмотрел и едва заметно улыбнулся...

...

Мы свернули на лесную тропинку.

Форсировали непонятно откуда взявшийся тут овраг.

Несколько раз пробивались через колючие кустарники и бурелом. Близнец расчищал дорогу мачете.

По моим расчетам, мы должны были уже четверть часа назад достичь цели. Но

мы шли-шли-шли...

Мне не хотелось больше в этот Парк. Видел картинки в интернете. Скука.

Убожество. Как и все, что осталось от ГДР.

Мне хотелось и дальше идти по этому лесу... внутри призмы... чувствовать себя молодым и здоровым... и ни о чем не думать.

...

Вспугнули спящего оленя.

Олень вскочил, посмотрел на нас сердито, пробормотал короткое немецкое ругательство (клянусь!), помотал грандиозными ветвистыми рогами и прыгнул... приземлился метрах в двадцати от нас и умчался как скорый поезд. Миновали еще один овраг. На дне его протекал ручей. Когда я его перепрыгивал, мне показалось, что снизу, из кристальной глубины на меня смотрит знакомое женское лицо. Наваждение.

А еще через несколько минут дорогу нам вдруг преградил... слон, размером с товарный вагон. Нет, не слон. Мамонт! Бивни винтами. Шерсть клокастая. Глаза красные от гнева. На брюхе мамонта была дверь. В двери было вырезано небольшое окошечко. Оттуда на нас внимательно смотрели две ручные вороны. Искусственные их глазки поблескивали как жемчужины.

Мамонт поднял хобот и затрубил... а затем... исчез.

А это что такое? Вокруг толстой ветки бука обвился пятнистый питон. На некоторых его пятнах проступала эмблема магазина Альди.

У корней дерева копошился... дикобраз. На крысиной его морде я заметил круглые роговые очки.

Рядом с ним порхали три слепяще-синие бабочки величиной со стопу иети.

Может быть тут, на берегу реки – микроклимат?

Или проклятый близнец привел нас потайным путем в частный зоопарк под стеклянным куполом, о котором никто не знает?

Вроде «Тропического дома» в Ботаническом саду?

После того, как у нас над головами пролетел, величественно поводя крыльями, огромный орнитохейрус, я решил, что свихнулся. Орнитохейрус бормотал: Посторонние в Парке явление нежелательное. Надо сообщить дирекции и пресечь надругательство... Хррак-хррак-хррак...

Алекс и его спутник шли себе, как ни в чем ни бывало... жестикулировали, вспоминали наверное студенческие проделки, гоготали... восклицали...

Все... движения руками и ногами они совершали синхронно.

В какой-то момент... две симметричные фигуры, маячившие у меня перед носом... наложились друг на друга... слились... стали одним человеком.

Этот образовавшийся из соединения двойников человек вывел меня за руку из густого кустарника на аккуратно заасфальтированную полянку.

...

Перед нами посверкивал в лучах полуденного солнца как бы игрушечный вокзал развлекательной железной дороги. Станция называлась – «Пальмира». На перроне росли пальмы. На одной из них я заметил обезьяну. Она ела большое красное яблоко и чесала у себя под мышкой...

На узеньком рельсовом пути стоял поезд, состоящий из смешного красно-зеленого паровоза и трех открытых пассажирских вагончиков, заполненных веселыми пассажирами. Все они были нагими...

Некоторые пританцовывали, другие пели... у многих в руках было итальянское мороженое и цветные воздушные шарiki.

Гамадрил-машинист в смешной фуражке стоял рядом с паровозом на всех четырех, распуша свою роскошную шевелюру. Открывал пасть, украшенную длинными клыками, и пускал в воздух из специальной машины мыльные пузыри размером с арбуз. Увидев нас, он заторопился... быстро влез в кабину паровоза и дернул за шнур. Загудел гудок. Протяжно... А затем прогудел несколько пассажей из оперы Гуно «Фауст».

Несколько больших черных птиц взлетели с веток вяза.

Мой спутник потянул меня за руку... втащил в последний вагон... мы нашли два свободных места.

...

Поезд тронулся.

Я был ошарашен. Нудисты. Гамадрил. Фауст.

Поезд отлакирован, а вокзал – сияет свежими красками. В заброшенном Парке?

И почему вокруг все цветет как в конце мая?

А на душе так тепло и радостно?

Откуда взялись эти пассажиры?

По дороге сюда мы не встретили ни одного человека.

Пассажиры?

Нет... это были не живые люди, а большие деревянные куклы. И в руках они держали деревянное мороженое.

Как же это я обознался?

Попытался зачем-то вспомнить, какую рубашку носил Алекс, а какую его близнец. Но не вспомнил. Перед носом носилась синяя стрекоза... Отвлекала, путала мысли...

Я попытался отогнать ее, как отгоняют назойливую муху. Не тут-то было.

Она села мне на живот и пролепетала: Как же вы невежливы, господин артист!

Разве вы не видите, кто я?

И вправду, это была не стрекоза, а Люси, моя недолгая калифорнийская подруга, выдумщица и забавница, молодая, привлекательная, в белом белье. Она сидела у меня на коленях и жеманилась.

Прощебетала: Посмотри, как тут прекрасно! На острове мормонов всегда лето... переезжай ко мне, будем любить друг друга как в доброе старое время.

Поцеловала меня в лоб и пропала.

В воздухе не осталось даже пара.

Только тепло ее губ...

...

Потешный наш поезд долго поднимался по спирали на вершину пологого холма.

Я жадно смотрел на живописные окрестности. Хотел насладиться каждой мелочью. Чувствовал, что еще немного... и все это пропадет... исчезнет, как исчезла несколько минут назад моя бывшая подруга... как исчезает все...

Я видел густо-зеленые леса, многоводные реки... долины... хрустальные города... на горизонте – синели заснеженными вершинами горы.

На одной полянке... совсем недалеко от нас... скакали... прыгали... ревели...

огромные, неизвестные мне твари... розовые и гнусные. Они играли... с беззаботно резвящимися и не замечающими их голыми людьми. Подбрасывали их как мячики.

В небе над нами мягко скользили летающие тарелки с овальными окнами.

Оттуда смотрели на мир... своими умными темно-фиолетовыми глазами... загадочные неземные существа.

...

Я показал рукой на поляну и спросил моего спутника:

– Что это за твари?

– Спроси лучше сам себя, они твое порождение. В леденцах было только немножко ЛСД. Вот тебя и глючит. Зеленый тролль называет это коктейлем счастья.

– Где твой близнец? Куда он делся?

– Не было никакого близнеца. Тебе померещилось.

– А почему тут все сверкает?

– Я забыл тебе сказать, что часть парка новые хозяева уже отремонтировали.

– А мамонт откуда?

– Мамонт резиновый. Валяется тут уже двадцать лет. Твое воображение его оживило и поставило перед тобой... и так со всем.

– А тарелки?

– Тарелки собрали из алюминия для хохмы... прошлые хозяева, а ты сам вознес их в небеса...

– А пассажиры почему куклы?

– Это для проверки вместимости поезда... обычная практика.

Спрашивать его о том, почему вокруг нас бабочки порхают и сирень цветет... в середине ноября... было бесполезно. Он бы все свалил на меня. И возможно был бы прав.

...

Как я и предполагал, чудесный мир вокруг нас был недолговечен.

Мы больше не ехали на поезде, а сидели в четырехместной кабине колеса обозрения в бывшем Парке развлечений. Колесо крутилось с неприятным скрежетом и свистом... как будто ныло или ворчало... мы медленно поднимались к высшей точке.

Никаких холмов и долин вокруг нас не было.

Пропали горы, чудовища, тарелки и другие миражи.

Город вернулся на свое место как резинка рогатки после выстрела.

Вечерело.

Шпрее внизу еще голубела...

На другом берегу – белела колоссальная цементная фабрика похожая на святилище Исиды.

За ней поднимались мощные корпуса теплоцентрали Клинггенберг.

У моста через Шпрее по воде гуляли три дырявые металлические фигуры ростом с межконтинентальную ракету.

В центре города торчал проткнутый спицей граненый пузырь телебашни...

Все буднично, знакомо...

Как на старой фотографии.

Место проживания. И возможной кончины.

Откуда-то до меня донеслась сирена скорой помощи.

И тут... я вспомнил...

Вспомнил, что Алекс уже пять лет лежит в коме в больнице города К. после жуткой железнодорожной аварии, произошедшей в Рудных горах. Машинист заснул и пропустил красный сигнал. Автоматическая система не сработала.

Произошло лобовое столкновение пассажирского поезда с товарным составом.

Алекса буквально четвертовало, а сидевшую рядом с ним Аннету раздавило как мандарин.

Что Аннету похоронили на городском кладбище рядом с стадионом, и я даже присутствовал на похоронах, и многие плакали...

А бедного Алекса собрали по частям хирурги, но восстановить его здоровье так и не смогли.

Что несчастные его родители не знают, останавливать ли аппарат жизнеобеспечения.

Что его коллекция локомотивов и марки давно проданы, а фирма обанкротилась.

...

Кто же сидит напротив меня на грязном и рваном сиденье, в ржавой и скрипучей кабине этого ужасного колеса?

Почему мне так неприятен его пристальный взгляд?

Куда делась его бабочка?

Откуда взялись на его шее воротничок католического священника, а на ногах –

роликовые коньки?

Жизнь кончается, скоро ночь, холодно.

Ветер разгоняет колесо все быстрее и быстрее...

Его вой и скрежет раздирают мне барабанные перепонки.

Мы поднимаемся все выше и выше.

– Добрый вечер, падре!

Прочитал перед микрофоном рассказ "Глюк". Есть смешные ошибки-оговорки (континентальный - вместо межконтинентальный итд). Да и голос во время записи у меня спорадически менялся. От петухов до баритона. И громкость как-то странно плавала. Почему - не знаю. Возможно потому, что и смысл и стиль этого рассказа - тоже "плавающие".

Место иронии спонтанно занимает патетика... патетику вытесняет старческий сарказм... который испугавшись сам себя уступает место "простому реализму", маскирующемуся под реализм "магический"... который в свою очередь, устыдившись своего имени, поспешно покидает текст, и его место занимает пестрая комбинация стилей и темпераментов - психоделическая белиберда, салат, который конечно и является главным содержанием этого почти вегетарианского рассказа.

Формально же - этот текст - еще один, прикрывающийся как щитом историей друга и его хобби, рассказ об отступлении уставшего человека. Отступлении перед наступающей армией небытия...